

Михайлов Михаил Ларионович

**Полное собрание сочинений М.Л.
Михайлова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Ларионович М.**
Полное собрание сочинений М.Л. Михайлова / Михайлов Михаил Ларионович – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 316 с.

ISBN 978-5-519-96897-3

ISBN 978-5-519-96897-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ячонѣ и бренчанѣ бубна и стукѣ «ложекѣ» такія мудренныя «па» на неровной и пыльной почвѣ казарменнаго двора или на зеленой загородной лужайкѣ, какія дай Богъ сдѣлать иному Іогансону*) въ легкихъ балмачкахъ и на лощеномъ полу. Я увѣренъ, что половина зрителей, увидавъ человѣка въ смушковой шалкѣ, ожидала, что, того и гляди, свистнетъ онъ на всю залу и пойдетъ отламывать трепака. Но вотъ ритуРНель сыграна, хотя кларнетъ и тянетъ еще со свойственной ему рачительностью послѣднюю ноту; вотъ Вилковъ снова подаль знакъ музыкантамъ—и человѣкъ, имѣющій снизу видъ тирольца, обводя глазами окружающую его толпу, показываетъ ей средній палецъ правой руки, вслѣдствіе чего немедленно раздается дружный хоръ:

Трубить. Поспѣшимъ!
Весь лѣсъ окружимъ
И станемъ разить свирѣпыхъ звѣрей...
На нихъ нападёмъ
Мы съ острымъ копьёмъ
И кровью звѣрей его обогримъ!"

Хотя никто и не думалъ трубить, однако толпа поспѣшила разить острымъ копьёмъ (вышеупомянутое дреколье) свирѣпыхъ звѣрей или, проще, скрылась за иззелена-коричневыми кулисами.

Въ глубинѣ партера, одѣтый непроницаемымъ мракомъ, слышался смутный шумъ и смѣхъ, когда изъ-за темнаго дуба, занимавшаго лѣвую сторону авансцены, показалось какое-то баснословное четвероногое животное сѣрой масти, повидимому, болѣе привыкшее ходить на двухъ заднихъ ногахъ, потому что передними то и дѣло спотыкалось. Кровожадное рыканье, изданное этимъ животнымъ, произвело еще большій смѣхъ и шумъ въ мрачной части партера.

— Мама, а мама!—спросилъ пискливый дѣтскій голосъ въ пятомъ ряду кресель.—Это кто? это волкъ?

— Медвѣдь, душа моя,—отвѣчала съ нѣжностью маменька.

— А я думалъ, что волкъ.

— Не говори такъ громко,—нехорошо.

— Да развѣ медвѣдь такой?

— Такой, такой. Смотри знай, не разговаривай!

Любознательное дитя покорилось и замолчало; но слова маменьки вовсе не разсѣяли его сомнѣній; дитя вспомнило огромнаго медвѣдя, еще очень недавно плясавшаго и показывавшаго разныя штуки на улицѣ подъ глухой стукъ лубочнаго барабана и веселое щелканье деревянныхъ челюстей козы въ

*) Христіанъ Петровичъ Іогансонъ, шведъ,—балетмейстеръ петербургской казенной балетной труппы пятидесятихъ годовъ.

сарафанѣ; дитя вспомнило также, какъ нянька Леонтьевна, вздумавъ потѣшить его о прошлыхъ святкахъ, нарядилась волкомъ, т.-е. выворотила овчинный тулупъ вверхъ шерстью и спрятала въ немъ свое худощавое туловище.. Вспомнивъ это, умное дитя нашло, что звѣрь, явившійся изъ-за темнаго дуба, больше похожъ на няню Леонтьевну въ вывороченномъ полушубкѣ, т.-е. на волка, чѣмъ на медвѣдя, который и рычалъ вовсе не такъ, какъ рычитъ этотъ звѣрь.

— Смотри-ка! смотри!—подтвердила маменька.

И дитя стало смотрѣть.

Вслѣдъ за звѣремъ изъ-за той же кулисы выступилъ великолѣпный полоцкій князь Видостанъ съ длиннымъ копьемъ въ могучей рукѣ. Видостанъ былъ великолѣпенъ не столько по кафтану, обшитому широкими, отчасти утратившими ужъ свою первобытную свѣжесть, галунами, не столько по шпагѣ, съ золотомъ, тоже немного полинявшею, перевязью черезъ плечо, не столько по свѣтлому шишаку, невольнo приводившему на мысль племъ Мамбрина, который украшалъ нѣкогда многодумную голову знаменитаго любовника Дульцинеи, сколько по сильному и величественному тѣлосложенію, широкимъ плечамъ и высокой груди, по необыкновенной чернотѣ и яркости большихъ глазъ и по непроходимой для частаго гребня густотѣ гнѣдыхъ усовъ, острые концы которыхъ, вѣроятно, крѣпко смазанные восковой помадой, поднимались кверху и образовали очень красивые рожки по сторонамъ орлиаго носа.

Если вы потрудитесь развернуть большую сѣрую афишу, которая излагаетъ въ подробности всѣ чудеса хитросплетеннаго спектакля, происходящаго передъ вашими очами, то узнаете изъ ея плохо отпечатанныхъ строкъ, что роль Видостана исполняетъ господинъ Живягинъ. Имя это, можетъ-быть, неизвѣстно вамъ; но оно самое громкое имя изъ числа мужскихъ именъ, красующихся въ настоящую минуту на афишѣ театра, въ которомъ мы присутствуемъ на представленіи пресловутой «Русалки». Госпожа Живягина, супруга великолѣпнаго Видостана, далеко не такая свѣтлая звѣзда въ труппѣ, какъ ея мужъ, хотя на этотъ разъ и выпала ей на долю заманчивая роль героини пьесы, днѣпровской русалки Лесты.

— Мама,—это разбойникъ?—спрашиваетъ опять тоненькимъ голосомъ любознательное дитя.

— Да, мой другъ, да,—отвѣчаетъ маменька, чтобы не вдаваться въ длинные объясненія.

— Это у него пика?

— Пика, пика.

Между тѣмъ пика Видостана, направленна въ грудь звѣря,

который успѣлъ ужъ подняться на дыбы, не оказавъ однакожъ особенной крѣпости въ заднихъ ногахъ, пика Видостана сдѣлала свое дѣло: звѣръ зарычалъ еще громче и свалился въ днѣпровскія волны. Долго еще барахталось кровожадное животное, упавшее въ воду, повидимому, довольно неловко, и долго издавало глухія стenanія, но никто ужъ не обращалъ на него вниманія, потому что жестяной листъ, потрясаемый за крайней кулисой справа руками дѣятельнаго антрепренера, издавалъ таинственно-грозные звуки, подобно отдаленному рокотанью грома, и подъ эти таинственно-грозные звуки изъ-подъ струй днѣпровскихъ возникла прекрасная дѣва Леста съ распущенными по плечамъ русыми косами, съ фольговою диадемой на челѣ, въ бѣлой, усыпанной золотыми блестками, одеждѣ.

Въ залѣ раздалось нѣсколько сдержанныхъ рукоплесканій, звукъ которыхъ можно сравнить съ тѣмъ звукомъ, какой издали бы штукъ десять блиновъ, брошенныхъ одинъ за другимъ на полъ съ высокаго потолка.

Остановись! — раздался незримый хоръ пяти-шести женскихъ голосовъ, и Видостанъ остановился, пораженный чуднымъ видѣніемъ...

— Мама, это она откуда? Это она изъ-подъ полу вылѣзла? — спрашивало дитя.

— Ну, да... Перестань ты говорить! Вотъ я не возьму въ другой разъ, — отвѣчала маменька.

И дитя умолкло.

Госпожа Живягина употребляетъ нѣкоторыя усилія, чтобъ изобразить страстную любовь во взорѣ своихъ маленькихъ глазъ, обращенныхъ на супруга. Эти усилія для вѣрнѣйшаго воспроизведенія отношеній днѣпровской русалки Лесты къ полоцкому князю Видостану оказываются совершенно излишними, потому что даже изъ перваго ряда креселъ, занятаго цвѣтомъ губернскаго общества, едва можно различить черты лица госпожи Живягиной. Опершись на копье, Видостанъ внемлетъ сладостному пѣнью водяной нимфы.

Леста поетъ, — поетъ о краткихъ дняхъ миновавшаго блаженства, о восторгѣ погибшей любви, о страстныхъ клятвахъ — увы! — нарушенныхъ... Хорошо поетъ Леста, и незримый хоръ русалокъ гармонически заключаетъ ея грустную мелодію.

— Трру-ту-ту... тррру-ту-ту... — слышится зовъ охотничьяго рога; но не слышитъ этого зова крутоусый Видостанъ, глядя въ уныломъ недоумѣніи на днѣпровскія волны, уже успѣвшія пріять въ свое холстинное лоно очаровательную дѣву.

— Трру-ту-ту... — раздается опять, и прежняя пестрая ватага,

предводимая смушковой шапкой п чулками въ лентахъ, высыпаетъ на сцену, оглашая ее громкой пѣсней:

„Трубятъ! Насъ зовутъ—
И знакъ подають,
Что звѣрь низложѣтъ,
Въ крови обагрентъ“.

— Какое странное приключеніе!—говорить нѣсколько сиплымъ басомъ великолѣпный Видостанъ, опустивъ голову, полную тревожныхъ думъ.—Что я видѣлъ?

Изъ-за кулисы, выпустившей на сцену толпу охотниковъ, выходятъ два новыя лица,—это конюшій и ловчій Видостана—Тарабаръ и Останъ. Тотъ, у котораго для пущей комичности его фигуры придѣлано искусственное брюшко,—Тарабаръ; другой, худенькій и тонконогій,—Останъ. Что первый—конюшій, а второй—ловчій—въ этомъ вы можете удостовѣриться изъ афиши, хотя по костюму они нисколько не отличаются одинъ отъ другого: на обоихъ длинныя сапоги, на обоихъ нѣчто въ родѣ куцыхъ венгерокъ, на обоихъ черныя шляпы съ маленькими полями и очень узкой вверху тульей... Виноватъ, разница есть: конюшій безоруженъ, а у ловчаго за плечами ружье.

Посмотрите, пожалуйста, на походку Тарабара, сильно затрудненную фальшивымъ животомъ!.. Мрачная сторона партера ужъ помираетъ со смѣху. Рекомендую вамъ: это—первый комикъ, господинъ Гудковъ! Конечно, чтобъ оцѣнить его вполнѣ, нужно видѣть этого артиста не въ «Русалкѣ», гдѣ очень мало простора для таланта исключительно комическаго; но посмотрите, какъ смѣшно повертывается онъ во всѣ стороны свою раскрашенную фizioномію и сѣменить ногами, отвѣчая на вопросъ Видостана, неужели они, Тарабаръ и Останъ, ничего не видали: «Я ничего не видалъ, кромѣ лѣса (и онъ показываетъ на лѣсъ, вывертывая ладонь) да воды (и онъ такъ же показываетъ на воду)».

Къ несчастью, я не могу сказать ничего въ похвалу господина Румаковского, исполняющаго роль Остана. Ампула этого артиста—такъ называемые первые любовники, и на этотъ разъ онъ является ловчимъ Видостана единственно потому, что можетъ хоть сколько-нибудь сносно спѣть два-три музыкальные номера роли Остана. Часто восхитительный, когда онъ на своемъ мѣстѣ, теперь Румаковскій (не могу скрыть этого) плохъ или, лучше сказать, такъ безцвѣтенъ, что почти никто изъ зрителей не замѣчаетъ и присутствія его на сценѣ. Итакъ, оставимъ его пока въ сторонѣ и устремимъ лучше слухъ и сердца наши къ раздавшемуся снова пѣнію очаровательной Лесты...

„Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!“

Не знаю, производятъ ли слова и мелодія этой пѣсни и на васъ, читатель, такое же волшебное обаяніе, какъ на меня; но мнѣ сладко думать, что вы поймете меня, если я скажу, что призывный романсъ днѣпровской нимфы, кто бы ни пѣлъ его, охватываетъ волненіемъ мое сердце.

У меня была когда-то тетушка, отлично игравшая на гитарѣ и обладавшая самой восторженной душой, которой не обвѣяли холодомъ длинные годы безбрачнаго одиночества. Отъ нея-то услышалъ я въ первый разъ этотъ романсъ. Склонивъ къ художавому плечу маленькую голову свою, которой крошечная коса, осѣненная высокою рѣзною черепаховою гребенкой, придавала оттѣнокъ тихой меланхоліи, тетушка слегка щипала струны гитары, и блѣдныя уста ея нѣжно звали «драгого князя»:

„Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!“

Давно ужъ холодная могила взяла въ свое таинственное лоно дѣвственную пѣвицу; вѣроятно, давно уже и гитара, которой, конечно, пришлось послѣ смерти своей владѣтельница звучать въ иныхъ рукахъ иными пѣснями — можетъ-быть, (какъ знать!) какимъ-нибудь «Спирькой», какою-нибудь «Өеней», — давно ужъ и гитара эта исчезла съ лица земли, не оставивъ по себѣ ни осколка; давно ужъ слухъ мой избалованъ великими пѣвицами и великими пѣвцами, мелодіями Моцарта, Россини... Но донинѣ люблю я внимать симпатичному голосу моей грустной тетушки, поющему мнѣ изъ темной глубины воспоминаній страстную пѣсню русалки...

„Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!“

Бѣдная тетушка! Сколько лѣтъ напрасно призывала ты «драгого князя»! Сколько лѣтъ только тайнымъ мечтамъ твоимъ представалъ обаятельный призракъ!.. Слезы несбыточныхъ желаній трепетали и въ ея голосѣ, и сколько правды было въ ея пѣніи, исходившемъ какъ-будто изъ самыхъ нѣдръ ея любящаго сердца, что пятнадцатилѣтнюю голову мою невольно отгуманивали блаженно-мучительныя грезы. Подъ вліяніемъ тетушкинаго пѣнія привыкъ я думать, что именно такъ, такими словами и такими звуками кликнетъ меня первая любовь въ свои желанныя объятія; изъ шороха темныхъ деревьевъ нашего сада, изъ тихаго шопота мелкихъ струй ближайшей рѣчки ждалъ я милаго зова, ждалъ столь знакомыхъ словъ:

„Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!

Приди, о князь ты мой драгой!“

Ждалъ въ особенности страстнаго заключенія:

„Хочу твоею только быть—
И одного тебя любить!“

Шумѣли надо мной зеленныя вѣтви, играло солнышко въ синемъ зеркалѣ рѣчки; но незримая рука не осыпала меня, какъ Видостана, свѣжимъ дождемъ душистыхъ листьевъ, незримая дѣва не манила меня пѣсней въ свои золотыя чертоги...

„Хочу твоею только быть —
И одного тебя любить!“

Счастливый Видостанъ!

Кто ты такова, прелестная пѣвица, восхитившая чувства мои? Кто ты такова? — спрашиваетъ онъ тѣмъ же нѣсколько сирымъ басомъ, молодцовато выставивъ впередъ правую ногу.

Но громкія рукоплесканія не позволяютъ Лестѣ, явившейся уже посреди двухъ полосъ холстины, отвѣчать своему возлюбленному. Публика требуетъ повторенія романа, и только два голоса безсильно пытаются нарушить неумѣстнымъ шиканьемъ дружный кликъ всеобщаго одобренія.

Госпожа Живягина улыбается въ темной глубинѣ сцены; она раскрываетъ уста:

„Приди въ чертогъ ко мнѣ злотой!
Приди, о князь ты мой драгой!
Тамъ все пріятство соберешь,
Невѣсту милую найдешь...“

— Браво! бр-ра-во! бр-р-ра-во!

За кулисою нумеръ второй эти восклицанія производятъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Изумрудныя глазки юной дѣвицы Наруковичъ, обращенныя на госпожу Живягину, сверкаютъ сильной досадой; плечи ея, только-что начинающія округляться, но ужъ выставленныя на показъ изъ-подъ розоваго атласнаго платица, передергиваются, выражая неудовольствіе.

Собственно говоря, дѣвицѣ Наруковичъ не слѣдовало бы такъ волноваться, потому что ей сейчасъ придется поправить вѣнокъ на своей темнокудрой головкѣ и выпорхнуть на сцену... На этотъ разъ она — Лида, дочь царицы дѣшпронскихъ русалокъ.

Дѣвица Наруковичъ еще ребенокъ; но не вѣрьте, пожалуйста, Лестѣ, когда она будетъ говорить про Лиду, что «четыре только раза она видѣла цвѣтущія древа...» Это — неправда: не четыре раза, а навѣрное пятнадцать разъ. Увы, несмотря на свой весенній возрастъ, дѣвица Наруковичъ уже обуревается страстями, которыя можно назвать по преимуществу театральными; страсти эти — славолюбіе и желаніе блистать. Ужъ теперь дѣвица Наруковичъ не можетъ простить

ни одной женщинѣ, красующейся на подмосткахъ, воздвигаемыхъ то тамъ, то здѣсь кипучею дѣятельностью ея родителя (который и есть содержатель труппы), не можетъ простить ни малѣйшаго успѣха, ни малѣйшаго достоинства, способнаго обратить на себя чье-нибудь увлажненное любовью око, не можетъ простить даже и новаго платья, чужихъ новыхъ сережекъ или чего-нибудь подобнаго... Правда, случаи послѣдняго рода представляются чрезвычайно рѣдко: проходитъ иногда годъ, полтора года, прежде чѣмъ у кого-нибудь появится обнова; но все же случаи такіе бывають, и надо видѣть тогда, какой сердитый огонь сверкаетъ въ ея глазкахъ.

Глазки у дѣвицы Наруковичъ, какъ я ужъ имѣлъ случай замѣтить нѣсколько выше, изумрудные, т.-е. темно-зеленаго цвѣта; они осянены длинными и темными рѣсницами и постоянно служатъ проводникомъ наружу чувствъ, которыми занимается втайнѣ сердце милой дѣвицы. Дѣвица могла бы назваться очень хорошенькою, если бъ маленькое лицо ея съ нѣсколько приподнятымъ носикомъ и тонкими, но очень пріятно обрисованными губками не мѣняло чуть не каждую секунду выраженія. Натура ли ужъ была такая бойкая у дѣвицы Наруковичъ, привычка ли въ этомъ виновата,—право, не знаю хорошенько; только черты лица ея никогда не находились въ спокойствіи. Дѣвица Колчанова, отличавшаяся большою нетерпимостью въ домашнемъ быту, хотя на сценѣ и была постоянно великою смиренницей, не разъ очень желчно замѣчала про юную дочь содержателя: «Экъ! Вся искобенилась!.. Только и знаетъ, что разныя фигуры выкидывать передъ зеркаломъ... Кошка противная!» Какъ ни досадно мнѣ это, а я долженъ признаться, что дѣвица Колчанова была не единственнымъ членомъ труппы, находившимъ, что юная Наруковичъ похожа на кошку, особенно когда сердится...

Была ль она похожа на это животное, или нѣтъ въ ту минуту, какъ, стоя за кулисой нумеръ второй, досадовала на неожиданный успѣхъ госпожи Живягиной въ роли Лесты,—этого нельзя было примѣтить при жалкомъ освѣщеніи; когда же выступила она на сцену, на лицѣ ея изображалась веселая и привѣтливая улыбка, которой, впрочемъ, вовсе не стояли зрители: они не дали себѣ труда ободрить хотя слабымъ рукоплесканіемъ молодую жрицу драматическаго искусства.

Отъ этого холоднаго пріема голосъ дѣвицы Наруковичъ оказался не совсѣмъ ровнымъ, и слова роли ея, которыя проносила она, дѣтски картавя (это было ея недостаткомъ), почти не слышались въ глубинѣ партера. И смѣхъ Лиды

надъ Тарабаромъ, и вертлявость ея, и лукавый видъ, когда она грозитъ пальчикомъ Видостанову конюшему, — вышло нѣсколько блѣдно...

Но суфлеръ постучалъ объ окраину своей конуры щипцами, которыми только-что поправилъ огарокъ, очнулись дремотные музыканты, и дѣвица Наруковичъ начала входить въ роль.

— Постыусай-ка, — говоритъ молоденькая русалочка: — сто мнѣ ясказывая матуска объ васъ, невѣйныхъ мусцынахъ!

Какъ восхитительно произнесены эти слова! Сколько лукавства и кокетства въ этой притворной наивности!

Смычки коснулись струнъ... Вниманіе! Вниманіе!

Съ какой надеждой въ то время, какъ раздается ея тоненькій голосокъ, обводитъ дѣвица Наруковичъ зрителей своими изумрудными глазками! Хлопайте, господа, хлопайте!

Пѣсня кончена; но у этихъ зрителей вмѣсто сердецъ куски льда въ груди! Слабые аплодисменты едва нарушаютъ мирную тишину залы, и дѣвица Наруковичъ ускользаетъ за кулису нумеръ третій со слезинкой на рѣсницѣ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, комически, съ очень смѣшнымъ подмигиваньемъ произнесенныхъ Гудковымъ, раздается звонокъ за кулисами. Тарабаръ удаляется, и сцена остается совершенно пустою.

Еще звонокъ.

Пока происходитъ на подмосткахъ такъ называемая «живая» перемѣна декорацій (живости при этомъ оказывается обыкновенно очень мало), перенесемъ взоръ нашъ на залу, вмѣщающую зрителей.

Если стать у дощатой, давно распатавшейся, загородки оркестра, обратясь спиною къ сценѣ, то увидишь очень немного... Увидишь именно первые четыре ряда креселъ (такъ называются старые, выкрашенные черной краской, стулья съ жесткими кожаными подушками и прямыми спинками) — и только. Четыре-пять дальнѣйшихъ рядовъ, уставленныхъ скамейками безъ подушекъ и спинокъ, теряются уже въ туманѣ, который превращается въ совершенную ночь у покатаго возвышенія, замыкающаго залу. Это покатое возвышеніе, очень похожее на противоположную ему сцену и крѣпко забранное толстыми досками, назначается специально для публики низшаго сорта, и, за неимѣніемъ скамеекъ, зрители должны тамъ стоять. Ложъ вовсе нѣтъ.

На обшитыхъ полинявшимъ тесомъ стѣнахъ, вмѣщающихъ въ себѣ театръ и его посѣтителей, висятъ восемь лампъ, которыя слабо мерцаютъ, покрывая копотью невысокій пото-

докъ и стекла, ограждающія ихъ свѣтильню, большею частью порядкомъ пооббитыя. Какъ ни хлопочеть о ясности лампъ долговязый человѣкъ съ рыжими вьющимися волосами, облеченный въ темно-синюю чуйку, лампы не измѣняютъ своего слабого мерцанія на полный свѣтъ и продолжаютъ устрашать собой сидящихъ поблизости зрителей.

Порой зритель, имѣвшій, можно сказать, истинное несчастье занять мѣсто у самой стѣны, вдругъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ отводитъ глаза отъ сцены, быстро бросаетъ косвенный взглядъ на лампу, подъ которою сидитъ, и потомъ такъ же быстро, съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ, повертывается къ сосѣду, стараясь обратить вниманіе къ себѣ на плечо и на лопатку.

— Будьте такъ добры, взгляните, пожалуйста: кажется, капнуло.

— Гдѣ-съ?

— Тутъ вотъ, на воротникъ... Самому не видно.

Сосѣдъ смотритъ съ большимъ вниманіемъ.

— Нѣтъ-съ, ничего не замѣтно.

— Слава Богу! Покорно васъ благодарю. Бѣда здѣсь сидѣть подъ лампой; безпрестанно боишься; совсѣмъ новую шинель недавно изгадилъ... Сижу себѣ, смотрю на сцену и не воображалъ вовсе, что на меня капъ да капъ изъ лампы... Пришлось сукна прикупать на крагенъ. И теперь, какъ нарочно, опять угодилъ подъ лампу; того и гляди — обольеть.

О, какъ странно-измѣнчиво все на этомъ свѣтѣ! Какъ непонятно играютъ судьбы всѣмъ подлуннымъ, начиная съ людей и кончая дѣлами рукъ человѣческихъ! Вотъ хоть бы это старое зданіе, куда собралось, конечно, для развлечения, общество города Камска... Не далѣе, какъ два года назадъ, въ утлыхъ стѣнахъ этого угрюмаго дома, теперь почти цѣликомъ, превращеннаго въ одну сплошную залу, не было угла, гдѣ можно было бъ найти что-нибудь способное возбудить такія чувства, какія возбуждаются здѣсь теперь. Напротивъ, все наводило тоску на сердце, нагоняло въ голову темныя мысли. Въ этомъ пространствѣ, которое оглашается нонѣ гармоніей, производимой совокупными усиліями трехъ скрипокъ, контрабаса, кларнета или тавръ; тамъ, гдѣ раздаются игривыя пѣсни, выводимыя съ такимъ искусствомъ пріятными голосами госпожи Живягиной и дѣвицы Наруковичъ; тамъ, гдѣ рисуется статный Видостанъ; гдѣ почти каждое слово, каждое тѣло-движеніе брюхатаго Тарабара производитъ неудержимую веселость въ мрачной части партера, именуемой въ афишахъ парадизомъ (цѣна десять копеекъ),— въ этомъ пространствѣ,

говору я, еще не так давно раздавались звуки совсѣмъ другого рода. Клѣтки, на которыя было оно разгорожено (комнатами назвать ихъ нельзя), были населены самыми странными жильцами, и ни одинъ изъ этихъ жильцовъ, несмотря на свою въ высшей степени игривую фантазію, на свой неподдѣльный юморъ, не насмѣшилъ бы васъ, какъ Тарабаръ, не плѣнилъ бы, какъ Леста, Лида и Видостанъ, не утѣшилъ бы ни слуха вашего, ни взора, ни сердца. Про каждого изъ обитателей угрюмага дома можно было сказать словами Пушкина, что звѣрь узнаетъ въ немъ брата. Такъ, напримѣръ, учителя уѣзднаго училища, который былъ совершенно убѣжденъ, что онъ вовсе не учитель уѣзднаго училища и не человѣкъ даже, а волкъ, пришлось посадить на цѣпь, потому что онъ постоянно чувствовалъ желаніе кусаться; связавъ его буйные члены, нельзя было связать его рта: онъ изгрызъ въ кровь свои руки и наполнялъ ужаснымъ, дикимъ воемъ свою конуру, откуда вой этотъ разносился и по всему кварталу. Мѣщанинъ, зачитавшійся какихъ-то премудростей, не смущаясь оглушительнымъ воемъ мнимаго волка, распѣвалъ въ сосѣдней клѣткѣ какія-то неслыханныя рапсодіи и, какъ кажется, употреблялъ всѣ усилія, чтобы потрясти пѣніемъ своимъ если не стѣны, то по крайней мѣрѣ оконницы своего тѣснаго жилья. Молодая бабенка, потерявшая вслѣдствіе испуга даръ слова, но сохранившая способность мычать; старуха, причитавшая и голосившая съ утра до вечера надъ воображаемымъ мертвымъ тѣломъ, привезеннымъ изъ лѣсу; худой и длинный человѣкъ съ посоловѣвшими глазами, аккуратно черезъ каждыя двѣ минуты восклицавшій во все горло: «пожаръ! горю!»; другой, коротенькій и опухшій, вторившій судорожнымъ хохотомъ, отъ котораго багровѣли бѣлки его глазъ, неугомонному пѣнію сосѣда своего, зачитавшагося мѣщанина; дѣвушка съ бѣгающими по сторонамъ глазами, которая неумоимо рассказывала самой себѣ безконечную, но тѣмъ не менѣе безтолковую исторію о какихъ-то семидесяти пяти самоварахъ, кипящихъ въ ея брюхѣ, а потомъ семидесяти пяти брюхахъ, кипящихъ въ самоварѣ,—этотъ концертъ способенъ былъ оглушить и ошеломить человѣка со здоровой головой, зашедшаго изъ любопытства въ грустное жилище безумія, способенъ былъ сдѣлать изъ самой здоровой головы самую больную. Только и можно было уцѣлѣть тутъ съ такимъ топорнымъ организмомъ, какимъ обладалъ Тертій Степанычъ Малковъ, слишкомъ двадцать лѣтъ вращавшійся въ качествѣ зрителя въ средѣ сумасшедшихъ. Впрочемъ, и этотъ до-
стопочтенный мужъ при всемъ безстрастіи своемъ нерѣдко